

Библиографический список

1. Бландел Р. Эффективные бизнес-коммуникации: принципы и практика в эпоху информации. – СПб.: Издательство “Питер”, 2000. – 384 с.
2. Вайсбурд М. Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке: Учебное пособие для проведения спецкурса по обучению иноязычному общению в системе повышения квалификации учителей. – Обнинск: Титул, 2001. – 128с.
3. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. – М.: Инфра-М, 2003. – 272 с.
4. Двинянинова Г.С., Девяткова С.Н. Невербальный компонент в межкультурном общении (на материале английского языка). – Пермь: Перм. ун-т, 2003. – 184 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
6. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации (In English about Russia and the whole world). – СПб.: Союз, 2001.
7. Костюк С.В. Деловой полилог в прагмалингвистическом освещении (на материале английского языка)”: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 16 с.
8. Назарова Т. Б., Юршева Л. А. Английский язык делового общения: Диалектика понятийной и языковой картин мира. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 50 с.

Н.К. Данилова

СПОСОБЫ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАРРАТИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

Самарский государственный университет

Дискурсивный анализ, являясь одним из современных направлений исследований речемыслительной деятельности индивидуумов, ориентирован на исследование вербального поведения индивидуумов в различных коммуникативных условиях. Наиболее сложной формой общения, находящейся в фокусе дискурсивных исследований, является литературная (нарративная) коммуникация, демонстрирующая развитую вариативность вербального поведения.

Дискурсивный подход открывает возможности рассматривать коммуникативную деятельность как выбор возможных стратегических решений, предпринимаемых говорящими субъектами для решения коммуникативных задач. Строение дискурсивного поля, согласно М.Фуко, открывает историю объектов, заполняющих его, его ландшафт формируется отношениями между дискурсами, а вершины об-

разованы так называемыми “точками эквивалентности”, в которых рождаются альтернативные дискурсивные решения [Фуко 1996:68].

Внутри определенной дискурсивной формации действуют стратегические предпочтения, оказывающие детерминирующее влияние на отбор возможных в ней высказываний. Дискурсивные формации рассматриваются в конечном итоге как системы образования, как совокупности отношений, функционирующих в качестве правил, предписывающих выбор определенных концептов и стратегий. Дискурс, по выражению Фуко, вчерне набрасывает “финальную сборку текста”.

В дальнейшем рассуждении, посвященном способам вербального поведения в условиях нарративной интеракции, основанием будут служить следующие положения:

а) акт рассказывания, или наррация, представляет собой интеракцию особого типа, в которой взаимодействие участников общения определено наличием дополнительной коммуникативной позиции, позиции наблюдателя,

б) вербальное поведение участников акта рассказывания регулируется специальными языковыми формами, которые могут быть представлены в качестве своего рода алгоритмов, призванных обеспечить взаимодействие партнеров в условиях дистанцированного общения.

Ситуация литературного общения в своем строении определена присутствием воспринимающего сознания, об этом точно пишет Х.Л.Борхес: “Эстетический факт требует встречи текста с читателем, только так он и создается” [Борхес 2001:237]. Обязательность встречной активности воспринимающего субъекта позволяет рассматривать коммуникативный диалог в условиях литературной коммуникации как интеракцию. Опосредованность нарративного диалога, асимметричность коммуникативных позиций автора и читателя порождает “включенный” коммуникативный диалог, в котором действуют фиктивные автор и читатель.

Принадлежность обеих позиций фиктивному миру ограничивает возможности рефлексивного общения, каким является литературная коммуникация, что, в свою очередь, вызывает потребность в приобретении новой ступени свободы, связанной с позицией наблюдателя. В отличие от говорящего и воспринимающего субъекта наблюдатель располагается на определенной дистанции от событий, сохраняя тем самым право объективного суждения о них, эта коммуникативная позиция характеризует развитую социальную коммуникацию и выступает в качестве обязательного условия достижения согласия между участниками общения [Хабермас 2000:207].

Отличие рассматриваемой нами нарративной формации заключается в том, что свобода выбора в ней обеспечивается существованием

специальных правил ведения диалога, представленных формами повествования (*Erzählformen*) (в качестве “точек эквивалентности” нарративной интеракции, равно как других формаций, выступают позиции субъекта высказывания). Признанные теорией литературы способы повествования, личные и безличные, рассматриваются нами в дискурсивной перспективе как варианты коммуникативно-познавательных установок участников диалога, среди которых различаются перформативная и объективирующая (с позицией третьего лица). Перформативная установка, в свою очередь, представляет собой правилосообразующую (с позицией второго лица) и экспрессивную (с позицией первого лица) [Хабермас 2000:42]. Концептуальные алгоритмы нарративной интеракции, в отличие от естественной коммуникации, используются абсолютно осознанно и их выбор прокладывает “тропы” сознанию воспринимающего литературный текст.

Выбор установок означает определение концептуальных рамок, в которых осуществляется понимание, которое может быть представлено как непрерывный цикл “выстраивания” концептуализаций в процессе языкового отражения действительности, составляющий суть речемыслительной деятельности человека [Кубрякова 1995:189]. Благодаря позиции наблюдателя перформативная установка, сохраняя свою значимость в качестве основной модели общения, обогащена объективирующей установкой, представленной в когнитивном плане перспективой перцептора (субъекта восприятия) и рефлексора.

Специфика стратегической деятельности участников литературной коммуникации (“коммуникации внутри понимания”) [Гадамер 1991]) наиболее явно проявляет себя в базовых повествовательных формах, организованных местоименными субъектами. Специфика местоименных субъектов заключается в их так называемой “пустоте”, зависимости их семантики от контекста употребления, что наиболее точно отвечает предназначению субъекта высказывания служить системообразующим фактором, определяющим развитие дискурса.

Местоименный субъект обретает смысл в процессе определения пропозициональной функции, в протекании которого участвуют категории модальности, времени и дейксиса. Единство функции служит условием категориального синтеза, в котором все обозначенные категории объединяются в ходе реализации коммуникативно-познавательных установок.

Варианты вербального поведения, связанные с комбинациями коммуникативных (говорящий, адресат и наблюдатель) и познавательных (перцептор, рефлексор) установок, и постоянная смена способов поведения создают феноmenoнологическое разнообразие

нарративного дискурса, дальнейший анализ которого открывает пути к проникновению в глубины процессов языкового синтеза.

Библиографический список

1. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
2. Борхес Х.Л. Расследования. СПб: Амфора, 2001. — 479 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СРБ: Наука, 2000. — 377 с.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. — С.144-238.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. — 366 с.

А.Н. Долгенко

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Волгоградская академия государственной службы

Коммуникативная стратегия дискредитации является одной из наиболее востребованных в современной русской речи [2]. Применение данной стратегии призвано подорвать доверие тому или иному участнику коммуникации (объекту или третьему лицу) и, как правило, связано с минимизацией спонтанности на стадии подготовки речевого акта и максимализацией на стадии коммуникации. Речевая практика в сфере права, на первый взгляд, располагает к применению только одной из коммуникативных тактик, через которые реализуется стратегия дискредитации, — тактики обвинения. Возможно, что указанной стратегии в юридической коммуникации несколько шире.

Коммуникативная культура юриста подвержена действию целого ряда закономерностей, некоторые из которых со временем становятся нормами. Это относится, прежде всего, к нормативности — умению передавать мысли точно, в соответствии с нормами литературного языка, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов и т.д., — и точности речи. К примеру, в уголовном судопроизводстве применительно к языку ей соответствует принцип законности, который заключается в том, чтобы письменная речь следователя и судьи отвечала требованиям процессуальных норм. Точность в свободном тексте процессуальных актов зависит от точности словоупотребления, обеспечиваемой выбором слов и словосочетаний, соответствующи-